

Внелетописная статья «А се князи рустии» и ее значение для древнерусской исторической мысли

Характеризуя процесс развития исторического нарратива в России XVI–XVII вв., в качестве основного направления можно выделить персонализацию истории. Отдельные исторические эпохи связываются с именами правителей. Эта черта осталась в историческом нарративе до настоящего времени. Мы и теперь говорим и пишем: «эпоха Александра Невского», время «Ивана Калиты» и прочее. Подчеркнем, что летописи столь выраженной персонализации не знают.

Обратим внимание, что в Степенной книге и последующих исторических произведениях московские князья и их предки имеют прозвища, выделяющие их из сонма древнерусских князей, упоминаниями о которых пестрят известия летописей. Характерно, что княжеские прозвища, данные книжниками XV–XVII вв., относятся почти исключительно к князьям, прямо или косвенно связанным с Московским княжеством. Первым в этом ряду следует считать Юрия Долгорукого, далее следуют Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Даниил Московский, Иван Калита, Симеон Гордый, Дмитрий Донской, Василий Темный. Грозным в исторической литературе XVI–XVII вв. называли и Ивана III, и Ивана IV.

В поисках самого раннего сочинения, где присутствуют княжеские прозвища (оговоримся, что имеются в виду прозвища, вымышленные книжниками, а не присвоенные современниками) обнаруживаем, что почти весь их репертуар присутствует во внелетописной статье «А се князи рустии». Эта статья читается в ряде летописей и рукописных сборников XV–XVII вв., наиболее ранним из которых является Комиссионный список Новгородской I летописи младшего извода, надежно датированный по филиграням серединой XV в. Исследователи неоднократно пытались уточнить датировку рассматриваемой статьи. В качестве непреложного аргумента *terminus post quem* указывается упомянутая в статье кончина умершего в 1417 г. князя Ивана Васильевича, сына великого князя Василия Дмитриевича. Полагаем, что в первоначальном тексте смерть Ивана Васильевича не упоминалась. В данном случае автору было важно показать преемственность московских князей от эпохи Ивана Калиты до современности: «А Иванова княжения Даниловичя до преставления князя Ивана Васильевичя и тогда минуло великому князю Ивану Даниловичю 100 лет и 8» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 469). Как известно, Иван Калита родился в 1288 г., а сын Василия I князь Иван Васильевич – в 1396 г. Получается, что 108 лет прошло между рождением Ивана Калиты и рождением, а не смертью Ивана Васильевича. Таким образом, в момент написания рассматриваемого

текста Иван Васильевич был жив. То обстоятельство, что фигурирует именно он, также представляется неслучайным. Иван Васильевич в данном контексте – не просто один из сыновей московского князя, а, так сказать, наследный принц, каковым он стал после смерти в 1401 г. старшего брата либо, что вероятнее, после появления в 1406 г. духовной Василия Дмитриевича, в которой Иван прямо назван наследником. В это десятилетие, между 1406 г. и 1417 г., статья «А се князи русстии», как мы полагаем, и была составлена. После 1417 г. актуальность упоминания Ивана Васильевича исчезла, и появилось указание на его кончину.

Итак, в статье «А се князи русстии», составленной в начале XV в., появляются вымышленные княжеские прозвища. Характерно, что повествование в ней начинается с основания Владимиром Мономахом города Владимира на Клязьме. Киевский период древнерусской истории отсутствует. Следующий после Владимира Мономаха князь – это Юрий Долгорукий. Именно здесь впервые появляется его прозвище, причем в трех разных формах: «Долгая Рука», «Долгие Руки», «Долгоругый». Отмеченная вариативность, по нашему мнению, может свидетельствовать о недавнем появлении прозвища. Первые две формы вполне созвучны другим княжеским прозвищам – Великое Гнездо, Калита. Форма же «Долгоругый», т.е. Долгорукий, вполне вероятно, имеет книжное происхождение. Исследователи отмечали, что в хронографических сочинениях, с которыми русский книжник XV в. был хорошо знаком, прозвище Долгорукий носит персидский царь Артаксеркс. Отметим, что, согласно хронографическому тексту, при Артаксерксе Долгоруком был возрожден Иерусалим, до того долгое время пребывавший в руинах и разорении. Возможно, Юрий Долгорукий своим прозвищем уподоблен Артаксерксу Долгорукому, как основатель Москвы – нового Иерусалима.

После Юрия Долгорукого дана характеристика Андрею Боголюбскому, а далее – Всеволоду, который в родословии, помещенном перед статьей, назван «Великим Гнездом». Его сын Ярослав не отмечен прозвищем. Характерно, что такая «безымянность» Ярослава Всеволодовича сохранилась до настоящего времени. Его сын Александр назван и Невским и Храбрым, что опять же свидетельствует о неустойчивом характере его прозвища. Важно подчеркнуть, что прозвище «Невский» впервые фиксируется в данном тексте. Сын Александра Невского Даниил назван Московским, поскольку все сыновья Невского поименованы по стольным городам своих княжений: Дмитрий Переславский, Василий Костромской, Андрей Городецкий. Последним по прозвищу поименован Иван Калита. Последующих князей автор статьи относил, видимо, не к истории, а к современности.

В последующих памятниках исторического повествования описываемая традиция получила продолжение. Так, именование Дмитрия Донским впервые встречаем в Никоновской летописи, а Симеона Гордым – в Степенной книге. К традиции Нового времени относится наименование Ярослава Мудрым.

Таким образом, в статье «А се князи рустии», созданной в начале XV в., оказались заложены те черты национального исторического нарратива, которые продолжают свое развитие в историографии последующего времени.